

**О НЕКОТОРЫХ ЯЗЫКОВЫХ ОСОБЕННОСТЯХ
РАССКАЗОВ В. ТОКАРЕВОЙ**

У статті розглянуто основні лексичні засоби і способи створення виразності в оповіданнях В.Токаревої, окремі особливості її ідіостиллю.

Ключові слова: актуалізація, контекст, семантична двоплановість, прецедентний текст, каламбур, обігрування значень.

The article deals with the principal lexica' means and ways of creating expressiveness in V.Tokareva's short novels as well as particular features of her individual style.

Key words: actualization, context, semantic, two-dimensional nature, precedent text, word-play, play of meanings.

У Виктории Токаревой нет плохих рассказов. У нее есть только хорошие, очень хорошие и блестящие...

Ю. Нагибин

Выявление индивидуально-авторских особенностей в системе образных средств предполагает анализ их функционирования в тексте. Наиболее отчетливо авторское своеобразие проявляется в системе отбора традиционных образных элементов языка и в таком их контекстном употреблении, когда речевое значение, отталкиваясь от языкового, существенно преобразуется или в иной форме повторяет те образные представления, которые закреплены уже языковой традицией.

В нашей статье мы попытаемся рассмотреть некоторые языковые особенности рассказов Виктории Токаревой и те приемы, которые чаще всего использует автор с целью создания выразительности своих произведений.

В. Токарева – автор живых, оригинальных, пронизанных психологизмом и иронией рассказов. В ее произведениях нет лишних, бессмысленных фраз: каждая строчка рождает в воображении яркие, запоминающиеся образы. Экономия языковых средств писательницы свидетельствует о емкости, богатстве ее стиля, подтекстной информации, правдивости изображения, приближенности к читателю.

Язык рассказов Токаревой метафоричен, в нем много ярких неожиданных сравнений. Выбор сравнений всегда диктуется не только желанием избежать привычного, сглаженного выражения, по которому взгляд скользит, не задерживаясь, но и стремлением к точности передачи смысла во всем богатстве его оттенков. Например: *Время шло. Дни наматывались один на другой, как клубок ниток* [2, с. 50]; *Молодость, красота уходят, как дым в трубу* [2, с. 240].

Яркие, неожиданные сравнения иногда способны передать состояние героев лишь одной фразой. Например: *Лена неожиданно для себя набрала семь цифр. Это был телефон Александра. Ей нужно было ухватиться за его голос, как за веревку, чтобы не утянуло в болото* [2, с. 81].

Как показало исследование, чаще всего сравнения относятся к глаголу, употребленному в переносном значении: *Он мог ей все рассказать... Вера выслушивала и снимала проблему с поверхности, как пенку с молока* [2, с. 32]; *И только Вера зависла во времени и пространстве. Ее судьба буксовала, как застрявшая машина* [2, с. 15]; *Его лицо было приподнято, обращено в сторону Карины и светилось, как люстра Большого театра* [2, с. 205]. Такие сравнения восстанавливают утраченную глаголом метафоричность и

одновременно повышают образность высказывания благодаря семантической двуплановости.

За счет умелого, оригинального использования сравнений повествование может развиваться как последовательная смена смысловых планов. Например: *Моя жизнь была сбалансирован покоем и страстями и стояла устойчиво, как добротная табуретка. Однако без спинки. Не упадешь, но опереться спиной не на что* [2, с. 182]; *Настоящее чувство, как древние раскопки, переходит со временем в культурный слой и лежит в глубине под слоем земли. Вроде бы и нет ничего, а копнешь...* [2, с. 167]. Сравнительные обороты вызывают целые цепочки ассоциаций, создают игру разных значений и других слов контекста (опереться, копнешь).

Интересен, на наш взгляд, следующий пример: *Он ушел походкой баскетболиста, легкий, легковесный, как воздушный шарик. Или мыльный пузырь* [2, с. 187]. Прежде всего необычным является сравнение героя и его походки с воздушным шариком, хотя и объясняется наличием у прилагательных семы «незначительный по весу, нетяжелый» (этот признак характерен и для воздушного шарика). Но такое сравнение выбрано не случайно, и это подтверждает следующее сочетание - *мыльный пузырь*, которое, с одной стороны, сохраняет значение «наполненный воздухом прозрачный шарик в жидкости, жидкой массе», а с другой стороны, выступает как фразеологизм с неодобрительным значением – «человек, производивший хорошее впечатление и оказавшийся ничтожным». Парцелляция, в свою очередь, актуализирует данное значение. Используя такие сравнения, автор лаконично и емко характеризует своего героя.

Творческое использование многозначных слов, игра на их значениях - одна из характерных черт стиля Виктории Токаревой. При этом многозначные слова могут сталкиваться в небольшом по объему контексте, например: *Успех – это самый реальный наркотик. Александр упивался успехом, но еще больше он упивался водкой* [2, с. 61]; *Репетировали «Три сестры». Вера играла старшую – Ольгу. Серые волосы вверх, серое длинное платье – вся серая в отсутствии любви* [2, с. 28]. Повторяемые слова акцентируют на себе внимание читателя, вызывая у него соответствующие эмоции.

Первичное и повторное употребление полисема может разделяться большим контекстом, но при этом его экспрессивность не утрачивается: *Однажды осенью они возвращались из Ясной поляны, машина забуксовала в тяжелой грязи... Борис толкал, колеса прокручивались вхолостую, и у Марианны впервые возникла мысль, что их отношения тоже стали буксовать и вязнуть...* [2, с. 254].

Дистантное расположение многозначного слова имеет целью создание подтекста: параллельно и одновременно с внешним, линейно реализуемым содержанием словесного ряда реализуются и глубинные значения, раскрывая полный объем коннотаций.

Таким образом, семантическая двуплановость, с одной стороны, поддерживается контекстом, с другой – сама влияет на его содержание и эмоционально-экспрессивную окраску.

Реализация разных значений слова может осуществляться не за счет простого лексического повтора, а благодаря наличию в контексте слов одного семантического поля, близких по значению к полисеми. При этом одно и то же слово в разных контекстах может вызывать различные представления, формировать различные образы.

Рассмотрим такие примеры: *Сергея, единственный мужчина в доме, должен был убить сома. Тюкнуть топором по голове.... Лена стояла за спиной мужа со своим топором. Она должна была ударить по Сергею известием* [2, с. 121]; *На вокзале ее встречал Александр. Он сразу заметил загар, короткую юбку и общую независимость. Следовало прибить эту независимость. Ударить, как мухобойкой по мухе.*

- Я тебя бросаю, - объявил он [2, с. 128].

В обоих примерах автор расширяет семантическую сочетаемость глаголов, употребляя их с абстрактными существительными, что способствует созданию речевых метафор. Обновление словесной связи повышает эстетическую активность слова.

В рассказах писательницы широко представлены примеры имплицитного использования многозначных слов. Например: *Редактор – душистая и скользкая, похожая на кусок импортного мыла...* [2, с. 96]. Прилагательное «скользкий» реализует не только свое переносное значение, но и прямое, чему способствует сравнение редактора с мылом.

В следующем примере многозначное слово поставлено в такой контекст, который позволяет воспринимать его в прямом и переносном значении едва ли не одновременно: *Поколение сменилось. Земля повернулась на сколько-то градусов: Солнце светит другим. А мы – в тени* [2, с. 187].

Способность к семантическому варьированию в контексте художественного произведения делает даже нейтральное слово выразительным и эстетически значимым.

Таким образом, слово у Токаревой внутренне подвижно: метафорическое наполнение лексемы вытесняет его предметный смысл не во всех контекстах, прямое и переносное употребление слова не только «конкурируют» друг с другом, но и сосуществуют.

Для углубления содержания, создания второго семантического плана, подтекста писательница нередко сталкивает слова/ словосочетания в их свободном значении и как компоненты фразеологизмов. Например:

Девушка явилась без опоздания, ровно в десять часов – милая, тихая. Вера напряглась: в тихом омуте черти водятся [2, с. 63]; *Александр взял руку Лены и сунул ее в свой карман. И там, в кармане, он сжал ее прохладные пальцы. Вера шла сзади и все видела. Лена как будто залезла в чужой карман. Для чего? Чтобы украсть* [2, с. 73].

Как видим, первоначально выделенные слова употребляются в своих свободных значениях, но затем автор вводит их в устойчивые словосочетания, что способствует двуплановому осмыслению этих фразеологизмов.

В следующем примере Токарева как бы восстанавливает первоначальное значение входящих во фразеологизм слов: *А зачем менять шило на мыло, при том, что шило – гораздо более ценная вещь* [2, с. 181]. «Возникающая при этом так называемая внешняя омонимия фразеологизма и свободного словосочетания рождает каламбур» [1, с. 121].

Нередко в рассказах В. Токаревой встречаются прецедентные тексты, уже хорошо известные читателю, которые органично вписываются в канву повествования. Это могут быть цитаты из произведений писателей – классиков, например: *Приходится терпеть и притворяться. Однако все спокойно в датском королевстве* [2, с. 127]; *Гастроли проходили в какой-то дыре, «куда и птица не летит, и зверь не идет»* [2, с. 20]. Читатель без труда вспомнит шекспировские и пушкинские строки, умело и уместно включенные в новый контекст. Встречаем мы и цитаты современных поэтов, например, Булата Окуджавы: *Александру говорили в лицо возвышенные речи, пели осанну. Александр стеснялся, а Марго верила каждому слову. Внимала. Ей это было просто необходимо – подтверждение жизненного результата. «А иначе зачем на земле этой вечной живу...»* [2, с. 105].

На страницах рассказов В. Токаревой часто встречаются антонимы. Антонимы и слова, принадлежащие к контрастным смысловым сферам, легко объединяются друг с другом в рамках предложения, рисуя разнообразные внутренние состояния человека, характеризуя того или иного героя, выражая авторскую оценку. Например: *Но природа уравнила и умных, и дураков, и бедных и богатых, достойных и недостойных* [2, с. 194]; *Наивность и хамство – качества полярно противоположные... Но в Инне все это каким-то образом совмещалось – наивность с цинизмом, ум с глупостью и честность с тяготением к вранью* [2, с. 272].

При описании своих героев Виктория Токарева прибегает и к такой стилистической фигуре, как оксюморон: *Заведующая Ираида старше своего мужа на семнадцать лет и все время ждет, что он найдет себе помоложе... И это продолжается уже двадцать лет. Постоянные временички* [2, с. 275].

Как видим, слова-антонимы и словосочетания-оксюмороны выполняют в художественном тексте изобразительную, характеризующую и – дополнительно – эмоционально-оценочную функции.

С целью создания каламбура или комического эффекта Токарева иногда использует паронимы и паронимазы. Например: *В Болгарии вышла ее книга. Лену знали, читали и почитали* [2, с. 127]; *Сокурсник Васька Беляев шутил: «**Битие** определяет сознание». Не «**бытие**», как у Маркса, а «**битие**», от слова «бить»* [2, с. 13].

Для В.Токаревой характерно комплексное использование лексико-семантических выразительных средств. Так, в следующем примере автор для описания одного из своих героев использует антонимию, сравнение и омонимию: *Он был привлекателен, и отталкивающе одновременно. Как свекла – и сладкая, и пресная в одно и то же время* [2, с. 275].

Затем сравнение со свеклой приобретает неожиданную интерпретацию: *Еще увидела, что он – не свекла. Другой овощ. Но не **фрукт**. Порядочный человек* [2, с. 278]. Как видим, в контексте в игру вступает еще одно слово – *фрукт*, которое одновременно реализует значение «сочный, съедобный плод дерева» и омонимичное – «человек, от которого можно ожидать всяческих неприятностей, ненадежный».

Анализ рассказов Виктории Токаревой показал, что ее стиль отличает лаконичное выражение мыслей, виртуозное владение словом, ироничные и умные замечания о людях и их поступках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Голуб И.Б. Стилистика русского языка / И.Б. Голуб. – 10-е изд. – М.: Айрис- пресс. 2008. – 448 с.
2. Токарева В.С. Дерево на крыше: (сб.)/ Виктория Токарева. – М.: Астрель, 2012. – 349 с.
3. Энциклопедический словарь-справочник. Выразительные средства русского языка и речевые ошибки и недочеты / Под ред. Сковородникова А.П. – 2-е изд. – М.: Флинта: Наука, 2009. – 480 с.